

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ (1950-2000-е годы). Статья 2

Автор: Ж. Т. ТОЩЕНКО

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - член-корреспондент Российской академии наук.

Структура социологического знания. Одним из показателей возрождения социологии как науки стало накопление к концу 1960-х гг. значительного объема социальной информации. Потребовались ее упорядочение, определение критериев классификации, соотношения с данными других социальных и гуманитарных наук. Ответом на эту потребность стали попытки обосновать подходы к структурированию социологического знания. Первая попытка выразилась в делении социологии на **макро- и микросоциологию**. Такой подход фиксировал очевидное: есть теоретические разработки, касающиеся общества в целом, и есть результаты анализа конкретных ситуаций в различных сферах общественной жизни. В годы становления социологической науки о макро- и микросоциологии писали практически все социологи. И этот подход не вызывал сомнения ни у кого. Полемизировали о том, каким образом происходит взаимообогащение двух частей социологической науки.

Одновременно получила распространение трактовка структуры социологии с **методологической и методической точки зрения**. Такая потребность диктовалась двумя причинами: 1) разобраться в инструментарии, которым пользовались в это время за рубежом; 2) вооружить навыками тех, кто стремится овладеть методами подготовки, проведения социологических исследований и анализа полученных данных. Этому способствовала деятельность Советской социологической ассоциации, при помощи которой были переведены на русский язык и опубликованы методические труды зарубежных коллег. Несколько позднее появились первые опыты методологического и методического обоснования социологических исследований Г. М. Андреевой, А. Г. Здравомыслова, Г. В. Осипова и В. А. Ядова [1]. Первые методические учебные пособия способствовали повышению исследовательской культуры как практикующих, так и собирающихся стать социологами. Ради объективности скажу, что они отвечали на вопрос о методологии конкретных социологических исследований, исходя из установки на изучение конкретных фрагментов социальной реальности, не методологии социологии как науки.

Позднее была попытка структурирования социологического знания с общенаучных позиций: в объяснение его содержания вовлекается информация, накопленная всеми науками (А. И. Кравченко) или социальными и гуманитарными науками (О. Н. Козлова) [2]. Однако, на наш взгляд, более верен подход, при котором **структурируется только знание, которое называется социологическим**. Накопленная социальная (в том числе социологическая) информация, опыт эмпирических исследований позволяют предложить более обоснованную структуру социологического знания: **1) теоретическая и эмпирическая социология; 2) фундаментальная и прикладная; 3) по объектно-предметному принципу.**

Что касается первой **классификации социологического знания**, принципиальное утверждение состоит в том, что если **в рамках теоретической социологии обосновывается и разрабатывается базовый, исходный уровень социологического знания - теория** и методология, то эмпирическая социология нацелена на получение четко фиксируемой количественной и качественной информации о конкретных социальных процессах, явлениях, событиях и других проявлениях социальной реальности [3]. Теоретическая социология сосредотачивает внимание на определении и уточнении объекта и предмета социологической науки, ее понятийного аппарата, тенденций развития социальной реальности и самой социологии, ее функций, места среди других наук. Важнейшей частью этого анализа является исторический материал (история социологии), который отражает генезис идей, появление, рождение и угасание поисков (теорий, концепций), а также уточнение места социологии в системе социального и гуманитарного знания. Кроме того, на этом уровне вовлекается (адаптируется, приспосаблиется) теоретическое знание других наук в том отношении, как оно способствует уточнению, обогащению и развитию социологического знания. Неотъемлемая часть **теоретической социологии - методология и методы познания социальной действительности**. При их помощи она из совокупности имеющейся информации стремится получить непротиворечивое, обоснованное и аргументированное знание.

Что касается **эмпирической социологии**, она аккумулирует специфическую социальную информацию, которая может иметь **упорядоченный характер** (т.е. полученная с помощью научных методов) и **стихийный характер**, когда данные накапливаются по мере ситуативной необходимости, практических потребностей. В последнем случае информация ценна как регистрация происходящих явлений и процессов, их последствий; тогда фиксация фактов имеет прикладное, утилитарное значение. Ее научная значимость в том, что она получена посредством статистических и социологических методов, которые упорядочивают накопленную информацию и позволяют выявить тенденции общественной жизни. Очевидно, без особым образом организованной эмпирической информации нельзя осмыслить реалии сознания и поведения человека в демографическом, профессиональном, национальном, социально-правовом аспектах [4].

Второй вид классификации структуры социологического знания представлен фундаментальной и прикладной социологией. Фундаментальная социология олицетворяет органическое единство теоретического и эмпирического знания, нацеленного на анализ и решение значимых проблем общественного развития. В конце 1950 - начале 1970-х годов такими исследованиями были крупные научные проекты - вехи в развитии отечественной социологии. Назову некоторые из них: социальные проблемы научно-технического прогресса (рук. Г. В. Осипов); "Человек и его работа" (рук. В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов); жизнь среднего российского города - Таганрогский проект (рук. Б. А. Грушин); судьбы сибирского крестьянства (рук. Т. И. Заславская), проблемы развития социальной структуры (рук. М. Н. Руткевич); культуры (рук. Л. Н. Коган), социальное развитие региона (рук. Н. А. Аитов). Начались систематические исследования этносоциальных проблем (рук. Ю. В. Арутюнян) [5]. Проводились крупные международные исследования, например, советско-польское, посвященное социальным проблемам промышленных предприятий [6]. В этих исследованиях связывались теоретические и практические задачи, глубокий научно-обоснованный анализ исследуемой проблемы, скрупулезная разработка методики получения знания, подготовка и проведение социологического исследования, обоснование получаемых выводов.

Усилия прикладной социологии были нацелены на решение текущих проблем конкретных организаций, предприятий, учреждений. В эти годы расцветает заводская социология - яркая страница развития отечественной науки. Решались волнующие эти организации проблемы - стимулирование труда, текучесть кадров, культура производства, взаимоотношения в коллективе и т.д. Исследования заводских служб социального развития (так они стали называться) воплощали единство теоретического и эмпирического знания, хотя прикладной аспект преобладал и носил подчеркнуто управленческий характер.

Деятельность этих служб заняла достойное место в наследии отечественной социологии. Многие ее представители: В. В. Щербина, В. А. Дудченко, А. К. Зайцев, А. В. Тихонов, А. А. Нещадин, В. И. Герчиков, М. Гуревич - стали признанными учеными, с именами которых связана плодотворная разработка проблем социологии труда и управления.

При сопоставлении теоретической и эмпирической, фундаментальной и прикладной социологии отмечу принципиальное различие между ними: если первая классификация характеризует методологию и методы познания действительности, то вторая - способы и методы не только познания, но и решения актуальных общественных проблем. Многолетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены обе эти группы задач. Наличие в фундаментальной и прикладной социологии теоретического и эмпирического знания может рассматриваться в качестве важного аргумента включения в социологическую науку теоретических и конкретных исследований в качестве двух аспектов единого знания.

Направленность фундаментальной и прикладной социологии на решение потребностей общественного развития проявилась в обосновании, разработке и применении теории и практики социального планирования. Это была одна из крупнейших акций социологии. В ней эффективно сочетались фундаментальные и прикладные задачи, доведенные до сведения общества и принятые им. Эту страницу истории отечественной социологии открыли ленинградские ученые (В. Р. Полозов, Б. Р. Ряченко и др.). Они совместно с коллективом научно-производственного объединения "Светлана" подготовили и внедрили план социального развития предприятия, показавший эффективность в решении социальных проблем труда и производства. Инициатива распространилась по стране, стала предметом научных дискуссий. Руководители производственных коллективов увидели в ней импульс развития инициативы людей по рациональному использованию ресурсов, повышению эффективности труда и росту его производительности [7]. Усилия ученых и практиков были признаны на официальном уровне. В конце 1960 - начале 1970-х годов при поддержке Госкомтруда СССР и ВЦСПС были подготовлены методические рекомендации по составлению планов социального развития на предприятиях, в отраслях, в районах (городах). Важнейшим достижением стало введение Госпланом СССР в инструктивные документы указания о составлении соответствующих разделов социального развития на всех уровнях народнохозяйственного планирования. Вершиной взаимодействия социологии с государством стало введение в Конституцию СССР 1977 г. положения о составлении планов экономического и социального развития на всех уровнях социальной организации общества. Вместе с тем, подчеркну, что при ответе на вопрос: каков способ не только получения, но и решения вопросов производственной жизни (например, в маркетинге), ставших предметом исследований, доля теоретического знания может быть минимальной при резко возросшей роли эмпирического знания в принятии оперативных управленческих решений.

Третья классификация представлена **объектно-предметным принципом структурирования социологического знания**. Ее можно трактовать в нескольких вариантах. Во-первых, исследование разных уровней социальной организации: общество в целом, территориально-пространственные единицы (республики, края, области, города, районы), производственные ячейки (предприятия, организации). Во-вторых, исследование может быть нацелено на анализ различных уровней социальной структуры общества - классы, социальные слои, страты, социальные общности, социальные группы, когорты, поколения и т.д. В-третьих, исследоваться могут разные виды деятельности - экономическая, социальная, политическая, духовно-культурная, что предметно воплощено в отраслевых и специальных социологических теориях.

В заключение: отечественная социология реализовала еще один аспект структурирования социологического знания, когда сама социология становится объектом исследования. Было обращено внимание на необходимость теоретического осмысления метасоциологии, объектом которой является сама социология, ее познавательные воз-

возможности, закономерности ее развития. В литературе синонимом метасоциологии стала *социология социологии* и *рефлексивная социология*, когда усилия направлены на анализ познавательных возможностей социологии, ее концепций, взглядов, обобщений и парадигм, а также ограничений и пределов постижения истины в процессе исследований [8].

О понятийном аппарате социологической науки. Проблема категориального и понятийного аппарата - это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Мы свидетели того, как меняется, совершенствуется, обогащается понятийный аппарат всех наук, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, существенно корректируя и уточняя наши представления об изучаемой реальности. Не осталась в стороне от этих исканий социология. Жизнь поставила перед ней задачу откликнуться на новые реальности, адекватнее выразить требования времени, внимательнее посмотреть на накопленный багаж. Возрождение отечественной социологии показывает, как расширялся, обогащался и совершенствовался понятийный аппарат социологии.

В 1960 - 1970-е годы понятийный аппарат социологии был в значительной степени заимствован из западной социологической литературы и в меньшей мере - из русской социологии XIX - начала XX века. Особенностью этого этапа стал тот факт, что понятийный аппарат развивался и уточнялся применительно к тому или иному типу социологического исследования. Если исследовались проблемы труда, привлекался аппарат, который касался только этой сферы; если исследовались проблемы образования или культуры, понятийный аппарат ограничивался сферой действий этих социальных феноменов. Речь, таким образом, шла о понятийном аппарате социологического исследования, не социологии в целом. Долгое время никто не задумывался над тем, чтобы на понятийный аппарат посмотреть с точки зрения его классификации, упорядочивания с позиций всей социологической науки, ибо в противном случае утрачиваются критерии научности, т.е. сути самой науки.

В использовании и уточнении понятий наблюдаются тенденции, которые не могут не вызвать тревогу. Понятийный аппарат нашей науки "плывет" отчасти потому, что мы мало обращаем внимания на исходную точку его анализа - его основу, на которой строится каркас, его общепринятые критерии, используемые всегда и во всех исследованиях независимо от специфики, являясь своего рода объединяющим маркером. Социологи в своем большинстве то ли лукавят, то ли не придают значения данной проблеме, то ли ее игнорируют. Но результат теоретических и прикладных разработок удручает. Он демонстрирует одну и ту же парадоксальную картину: одни исследователи используют категории и понятия, вторые признают только категории, третьи - только понятия, четвертые - отождествляют их. Отсюда произвол в употреблении в зависимости от ситуации или своего понимания, безотносительно к самой науке. Немало и тех, кто вообще обходится без тех и других, предпочитая оперировать эмпирической информацией, не задаваясь вопросом о смысле и субординации употребляемых ими суждений и умозаключений. Последнее особенно наглядно проявляется при подготовке и проведении прикладных исследований, когда авторы сосредотачивают внимание только на **понятиях, которые имеют значение для данного явления или процесса, не более.**

Иначе говоря, **мы часто претендуем и желаем принадлежать к одной науке, не удосужившись уточнить исходные позиции, не согласовав их или, по крайней мере, не определившись с тем, на какой базе мы должны осуществлять сравнения, сопоставления, получение нового знания.** Аморфность, расплывчатость, неопределенность успешно оправдываются мультипарадигмальностью. Провозглашаемая безбрежность подходов и интерпретаций ставит под сомнение саму возможность понимать друг друга, о чем с тревогой писал А. Турен [9]. В этом, на наш взгляд, трагедия постмодернизма, когда считают возможным не придерживаться определенных позиций, трактовок, позволяя

топить более или менее определенное знание в бесчисленных дискурсах, в результате чего утрачиваются критерии научности, то, что определяет суть науки.

Вопрос о понятийном аппарате в отечественной социологии долгое время не обсуждался: о нем говорили как о чем-то само собой разумеющемся. Особенно нагляден разноречивый в учебниках и учебных пособиях, в которых в отличие от монографий и статей, автор(ы) поставлен(ы) перед необходимостью формулировать представления об исходных критериях (категориях и понятиях), которые составляют сущностную характеристику социологии как науки. Но даже краткий обзор этих работ показывает, что в одних из них это требование выполнялось частично, других - полностью игнорировалось, в третьих - реализовывалось мимоходом, походя. Среди работ, поднявших вопрос о категориях и понятиях в социологии, наиболее заметны труды Ю. Г. Волкова и И. М. Поповой [10].

Анализ работ, характеризующих категории и понятия в социологии, показывает, что они, несмотря на **близость и неразрывное единство, представляют разные сущности, и необходимо четко видеть это различие**. Следует добавить, что они (категории и понятия) не остаются неизменными, во-первых, под влиянием меняющейся социальной реальности, во-вторых, в связи с модификацией науки, отражающей эту реальность. Особенность определения теоретико-методологических основ социологии в том, что в современном мире происходит рост воздействия и значения субъективного фактора; это не может не влиять на базовые понятия социологической науки. Вместе с тем, проблема категорий и понятий тесно связана с поиском ответа на вопрос: существуют ли единая социологическая теория или много? Если много (что, может быть, хорошо), встает вопрос, как используются одни и те же понятия. В этой ситуации мультипарадигмальность с набором одинаковых (или различных) категорий и понятий - норма или патология?

Остановимся сначала на трактовке сущности и содержания категорий.

Проблема категорий в социологии (как и в других науках) актуализировалась в связи с возрождением интереса к ним как неким универсальным характеристикам социального бытия, которые в то же время выступают константами логики. Она (проблема) возникла как движение контрпостмодерна (постпостмодернизма), отразив намерение возродить критерии научности. Это потребовало ответа на вопрос: а есть ли некие фундаментальные социальные константы? Встает и проблема статуса (гносеологического и онтологического) этих универсалий: существуют ли они реально или они продукты синтетической работы мысли?

Для социологической науки особое значение имели идеи Ф. Шеллинга (1775 - 1854), который, исходя из тождества субъекта и объекта, рассматривал ***два вида категорий - категории объективности***, разворачиваемые в натурфилософии, и ***категории субъективности***, связанные с актами сознания и самосознания. ***Такой подход положил начало тому, что в XIX, а затем в XX веках отчетливо стала складываться и формироваться дифференциация категорий в соответствии с областями научного знания***. Иначе говоря, каждая наука стала претендовать на присущие только ей категории, которые могут частично совпадать со всеобщими категориями и которые в то же время претендуют на свою трактовку этих предельно широких универсалий. В такой ситуации при трактовке категорий происходили смешение или абсолютизация онтологического, гносеологического и психологического их понимания, хотя в рамках философско-методологической рефлексии они неразрывно связаны между собой, дополняют друг друга. К современному этапу осмысления социальной реальности стали использоваться категории всеобщности (вселенная, мир, ноосфера), качества (цивилизация, формация, устойчивое развитие), объективности (общественные отношения, общественное развитие, общественные процессы), субъективности (сознание, классы, слои, государство), изменений (революция, модернизация, глобализация) [11].

В изменившихся условиях социальные науки объектом исследований окончательно избрали социальную реальность - общественную жизнь. В соответствии с этим ***центральной категорией становится общество, понимаемое как многозначная си-***

стема отношения и процессов; основополагающие характеристики его становятся всеобщими категориями.

Для характеристики общества, общественной жизни существенным оказываются модусы времени - настоящее, будущее и прошлое. Тем самым категории историзируются, лишаются вневременной формы и локализируются в конкретно-доисторических формах жизни [12]. Тем не менее, социология сосредотачивает основное внимание на настоящем, на ощущаемом и воспринимаемом времени и пространстве, на том, что является предметом заинтересованности людей, их сопричастности ко всему происходящему и окружающему. Сосредоточение внимания на существующей социальной реальности все больше и больше превращает социологию в социологию жизни и соответственно требует уточнения круга (системы) категорий, которыми она пользуется.

Таким образом, категории - основные и наиболее общие понятия науки. Это "не просто высказывание о предмете, но и какое-то важное о нем решение, как бы привлечение его к ответственности, высказывание о нем чего-то важного, внутреннего, существенного" [13]. Все это позволяет сделать вывод, что категории социологии с точки зрения их структуры представляют собой следующее. 1). Всеобщие категории, присущие всем наукам (сущность, состояние, отношение, закономерности). 2). Категории общественных (социальных) наук (вселенная, общество, цивилизация, культура и т.д.).

Понятия социологии олицетворяют *одну из основных форм отражения мира на рациональной, логической ступени познания*. По своей сути, понятие - это зафиксированная мысль, которая выделяет из некоей предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий отличительный признак. Понятия представляют собой идеальные сущности, продукты мыслительной деятельности человека. *Каждое понятие имеет две основные логические характеристики - экстенциональную (объем) и интенциональную (содержание)* [14]. Необходимо отметить принципиальную особенность - *каждая категория является одновременно и понятием, но не каждое понятие может быть категорией, выступать ею* в силу того, что понятия производны от категорий, являющихся всеобщими, универсальными, фундаментальными формами связи, типами связи субъекта и объекта в суждении.

Понятия, используемые в социальных и гуманитарных науках, чрезвычайно многообразны по структуре, типам обобщаемых в них объектов и другим характеристикам. Классификация, т.е. выделение и систематизация понятий, проводится по разным основаниям. (1) Их делят на *виды*, исходя из особенностей содержания; (2) учитывают *объемы и специфику* их элементов; (3) исходят из *предназначения научного знания* [15].

При рассмотрении объема и содержания *понятий*, употребляемых в социологии, следует обратить внимание и на общенаучные суждения, и на те, которые прошли апробацию в смежных науках, но с полным основанием могут быть использованы в социологии, а также рождены в процессе развития, обогащения и обновления самого социологического знания.

На основании соотношения *объема понятий* к их родам (универсумам) выделяют *универсальные и неуниверсальные*. В этом случае универсальные понятия совпадают с категориями, что устанавливает между ними определенную логическую связь. По *структуре элементов понятия* (его объема) различают *несобирательные* понятия, элементами объемов которых являются отдельно взятые объекты (например, человек, родившийся в 1950 г.) и *собирательные* понятия, элементами объема которых является совокупность объектов, мыслимая как одно целое (например, когорты, политическая партия). По *природе* понятия делятся на *конкретные (мотив) и абстрактные (социальный слой)*. С точки зрения *содержания* понятия могут рассматриваться как *безотносительные* (установка) и *относительные* ("квалифицированный рабочий"), чье мастерство соотносится с профессиональной подготовкой другого работника, не имеющего такой квалификации. В зависимости от *объема и содержания* признаков, по-

средством которых осуществляется обобщение объектов в понятиях, они делятся на **простые** (например, "социальная ориентация") и **сложные** (понятия "город" или "предприятие"). Кроме того, с точки зрения **механизма** социологического познания понятия могут быть разделены на выполняющие методологическую роль (принципы построения программ исследования, гипотезы и т. д.) и методическую (инструментальную) роль (выборка, анкета, интервью, контент-анализ и т.д.). Наконец, они могут рассматриваться как **обобщающие** (потребности, мигранты) и **констатирующие** (забастовка) (мнение о конкретном событии) понятия, в которых находит отражение их предназначение и которые включают в себя признаки модальности (возможность, необходимость, достижимость, эффективность) [16].

Таким образом, **основное назначение данной классификации понятий - фиксировать существенные свойства изучаемой социальной реальности, связи и отношения между свойствами, реальные социальные процессы, а также изменение этих свойств и отношений.** Добавлю только, что границы категорий (важный атрибут науки) и понятий (одна из форм рационального познания) подвижны, могут "переливаться" друг в друга в зависимости от исследовательской ситуации.

Наряду с логической структурой для понимания смысла, сущности и содержания социологии определяющим является содержательный анализ понятийного аппарата. С точки зрения содержания понятийный аппарат социологии зависит от того, чем в реальной практике руководствуются социологи при проведении исследований. Ведь, несмотря на многообразие определений предмета социологии или стремление найти исходное ключевое понятие (подробнее см. раздел первой статьи об объекте и предмете социологии), с чего начинается исследование любой практикующий социолог? Во всех без исключения программах исследования и соответствующего инструментария, а затем в практических действиях каждый исследователь обращается (после анализа документов, сбора статистических данных) к людям, как носителям интересующей исследователя информации. Что его интересует? Если анализировать все имеющиеся документы, подвергающиеся количественному и качественному анализу, социолог интересуется тем, где и как его подопечный живет, работает, отдыхает, каково его суждение по тому или иному вопросу (проблеме), что он поддерживает, сомневается или отвергает, каковы его потребности и интересы, жизненные планы и личные жизненные стратегии. Иначе говоря, социолог спрашивает у источника информации не то, в какую социальную структуру он включен, к какой социальной группе или общности он принадлежит, в какие социальные отношения включен. Он интересуется тем, что человек знает, думает о том или ином социальном процессе или событии, каково его мнение, каковы мотивы его поступков, каких целей в личной и общественной жизни он намерен добиваться. А что этот перечень (неполный) сведений означает? Обобщая, можно сказать, что социологи, несмотря на разные теоретические ориентации и объекты исследования, всегда изучают и анализируют комплекс индикаторов и показателей, которые в совокупности означают не что иное как **общественное сознание во всем его многообразии и специфике.** А так как данные структурные проявления сознания (знание, мнение, мотивы, потребности, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д.) далеко не всегда реализуются на практике, перед социологом встает задача выявить практические действия людей, т.е. их **поведение.**

Иначе говоря, социологическое исследование (любое!) предполагает не только выявление некоторых характеристик сознания людей, но и анализ их поведенческих актов, поступков, действий. Однако и сознание, и поведение людей во многом зависят от **социальной среды,** в которой они живут и действуют. Поэтому еще один повторяющийся компонент присутствует в каждом исследовании: какими характеристиками обладают внешние условия воздействия на человека, как на людей воздействуют компоненты макро-, мезо- и микросреды, каково их отношение к глобальным, региональным и локальным изменениям в экономике, политике, социальной, духовной жизни.

И только когда социолог выявит состояние общественного сознания, определит действительное поведение людей под влиянием социальных условий, можно судить о

том, как человек попадает в ту или иную социальную группу, как определяется принадлежность к конкретной социальной общности. Подчеркну: ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями или институтами. Он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды. Именно от совокупности характеристик сознания, поведения и условий их реализации мы можем выйти на следующий уровень обобщения, выявления содержательных дефиниций социологической науки - представлений о социальном развитии, социальных процессах, социальных отношениях, социальных институтах, социальных организациях и т.д. И лишь затем, обобщив имеющуюся информацию об этих процессах, явлениях и организациях мы можем сказать о социальной реальности и соответственно об обществе, в котором человек функционирует как социальное существо.

Итак, специфика и качественная определенность подхода к понятийному аппарату социологии состоит в том, что исходными операциональными терминами являются общественное сознание, поведение (деятельность) и среда обитания человека, ибо жизнь общества начинается с человека, с его сознания и поведения, над которыми "выстраивается" весь остальной мир. Такой подход позволяет преодолеть крайности в трактовках понятийного аппарата социологии, оперируя суждениями о социальной реальности с их универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью [17].

Говоря о понятийном аппарате социологии, следует особо сказать о понятиях методологии и методики, ибо они весьма специфичны по сравнению с другими социальными науками. Здесь важна как совокупность методологических понятий (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), так и относящихся к методике понятий (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Специфическими терминами предстают перед читателями проблемы обработки социологической информации, ее анализа, интерпретации полученных результатов. (Подробнее см. работы В. Г. Андреевкова, О. М. Масловой, Г. Г. Татаровой, Ю. В. Толстовой.)

Наконец, **обратим внимание на понятия, которые одновременно служат как социологии, так и другим отраслям научного знания.** У социологии много родственных понятий с экономикой (рынок, труд, город, профессия и т.д.), демографией (миграция, продолжительность жизни, здоровье и т.д.), с социальной психологией (общение, эмоции, самочувствие и т.д.), с политологией (власть, электоральное поведение и т.д.). Есть и совместные понятия с философией, историей, правом, культурологией и другими науками, хотя в рамках каждой из них трактовка того или иного понятия приобретает специфический, присущий данной науке оттенок.

Таким образом, **сложившаяся в отечественной социологии характеристика понятийного аппарата позволяет, на наш взгляд, четко представить: а) логику его построения; б) его иерархичность, ступени обобщения теоретического и эмпирического уровня познания социальной реальности; в) увидеть рядоположенность понятий, используемых в фундаментальных и прикладных исследованиях.** Этот аппарат, его составные элементы не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают логику и содержание процесса познания социальной реальности.

Методологические стратегии в социологии были следующей ступенью осмысления теоретической социологией фундаментальных проблем науки и в определенной степени возвращением к первоначальной попытке осмысления сущности и содержания социологии, о чем говорилось в первой части статьи. Но они, в отличие от характеристик 1960 - 1970-х годов, начали рассматриваться в рамках сложившихся к тому времени парадигм. Это позволило, несмотря на обилие трактовок социологии как науки, более точно и наглядно классифицировать представления в зависимости от парадигмы, которой придерживается исследователь, осознавая или не в полной мере представляя свою зависимость от нее.

Парадигмы по-разному объяснялись и трактовались в отечественной литературе. По мнению Г. В. Осипова, существуют четыре общезначимые социологические парадигмы, связанные с творчеством К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и Б. Скиннера:

социально-исторического детерминизма, социальных фактов, социальных дефиниций и социального поведения [18]. Другие авторы, характеризуя парадигмы в социологии, анализируют натуралистическую, интерпретационную и оценивающую методологию [19], что, на наш взгляд, свидетельствует не столько о парадигмах, сколько о методах, используемых социологической мыслью. С. А. Кравченко анализирует метапарадигмы, которыми он считает: позитивистскую, интерпретивную, интегральную, а также рефлексивную и нелинейную парадигмы модерна и постмодерна. Причем каждая из них включает в себя в свою очередь несколько парадигм [20]. Нужно отметить, что в данной классификации за основу берутся школы и направления, которые предлагают свои методы и способы анализа, что позволяет по-разному анализировать социальную реальность. Рассматривая общие черты в развитии мировой и отечественной социологии, в частности, предложения П. Штомпки, Н. В. Романовский анализирует три типа теоретизирования: объяснение, экзегетика и эвристика, что тоже говорит скорее о методах познания, чем о содержательной стороне исследуемых процессов и явлений [21]. Ю. Г. Волков предлагает в основу положить подход к парадигмам, толкуя принцип действия каждой как "общий угол зрения на изучаемый феномен". Исходя из этого, он выделяет функционалистскую парадигму, парадигму понимающей социологии, парадигму социального поведения, парадигму социально-исторического детерминизма [22]. Свой подход к методологическим стратегиям предложила И. М. Попова, рассматривая их в противостоящих друг другу понятиях: макро- и микросоциологический подход, объективно-предметный и субъективно-ценностный, функционалистский и конфликтный [23].

На наш взгляд, исходя из классического определения Т. Куном парадигм, - это качественная характеристика теоретических представлений, отличающихся друг от друга принципиально различными концепциями, опирающимися на всестороннее и глубокое обоснование исходных методологических стратегий. Такими стратегиями выступают основные парадигмы в развитии социологического знания, имеющие исходной базой макро- и микросоциологию [24]. Согласно этой точке зрения, первую интересует общество как целостный социальный организм, его структура, социальные институты, их функционирование и изменение. Микросоциология обращена к социальной структуре, социальным группам и общностям, социальному поведению, межличностному общению, социализации личности, стимулам групповых поступков. К макросоциологии относят такие теоретические концепции как структурный функционализм, неомарксизм, неозволюционизм, неоструктурализм (рассматривающие в качестве предмета социологического познания только общество и его структурные образования). К микросоциологии - теории социального обмена, социального действия, социальных сетей (единственной реальностью ими признается поведение людей) и этнометодология, феноменология, символический интеракционизм (ориентирующиеся на исследование сознания индивидов) [25].

Сторонники макросоциологии отражали парадигму *социологического реализма* (объект исследования - общество, социальная структура, социальные институты). Их оппоненты, сторонники микросоциологии, - представляли *социологический номинализм* (объект исследования - индивид, личность, человек, социальные группы и общности). В конце XX в. стала интенсивно развиваться *методологическая стратегия - конструктивистская* (объект исследования - совокупность объективных и субъективных факторов - общественное сознание, поведение в условиях социально-экономической среды). Эта стратегия претендует на преодоление односторонности предшествующих стратегий, стремясь в комплексе исследовать все компоненты жизни людей, состоящие как из зависимых от них акций, так и обусловленных влиянием внешней общественной среды.

А так как социологи придерживаются разных методологических стратегий, соответственно структура, уровни и понятийный аппарат социологии строятся в зависимости от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. Именно здесь начинается логика построения понятийного аппарата. В зависимости от аспекта соци-

альной реальности, социальной жизни, ставшего предметом анализа, основополагающим исходным понятием выступают или общество или человек как личность или неразрывное единство объективного и субъективного в жизни людей. Остановимся на них подробнее.

Что касается социологического реализма и его ориентации на парадигму "общество",

соответствующая традиция восходит к О. Конту и Г. Спенсеру. Она претерпела ряд изменений, особенно в XX веке, что нашло отражение и определенную модификацию в работах Э. Дюркгейма, затем Т. Парсонса, Р. Мертона, Р. Дарендорфа и др. В отечественной социологии этот подход нашел наибольшее воплощение в работах М. Н. Руткевича, А. Г. Эфендиева [26]. Эти социологи изучали общество как социальные системы, социальные отношения в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции. Как было установлено на грани XIX-XX веков (Э. Дюркгейм), а затем в процессе критики подходов Т. Парсонса, ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристично: оно может дать строгое описание объекта, но закрывает возможность объяснить его развитие и функционирование. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Это начали постепенно признавать отечественные социологи.

Модификация такой парадигмы в виде представлений о социальной структуре, социальных отношениях, социальных общностях, как определяющих объект и предмет социологии, нашла отражение в работах многих российских (советских) социологов - В. А. Ядов, Г. Е. Зборовский, А. Г. Харчев. Однако время показало, что трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории "общество" не отвечает на многие вопросы. Понятийный аппарат "плывет", включает в себя слишком разные сущности, многие из них размываются временем, видоизменяются, иногда теряя изначальный смысл. Даже классическое понятие *социальная структура* в настоящее время мало что выражает, ибо а) многие ее элементы в современной ситуации исчезают; б) ряд элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные элементы. Классические, казалось, понятия - рабочий, крестьянин - приобрели "неустойчивость", аморфность, ибо в зависимости от разного социально-экономического положения, перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли прежнюю сущностную основу настолько, что говорить о содержательно однородных признаках весьма затруднительно. А если смотреть на некоторые внешние признаки, об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX вв. было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования в 1970-е, тем более в 1990-е годы, многие черты сознания и поведения людей из разных страт могут быть ближе друг к другу, чем те же черты внутри одной социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни внутри социально-профессиональных групп могут столь различаться, что теряет смысл объединять их в заранее фиксируемое, формализованное понятие. Внутри этих групп могут быть (и есть) огромные различия по материальному достатку, месту в системе разделения труда, по целям, ценностям, потребностям и интересам, что делает их (по существу) несводимым к однородным показателям. В этой связи возникает вопрос: что будет выступать реальной социальной силой - профессиональные группы или носители одного (сходного) мировоззрения, представляющие разные социально-профессиональные группы? Ответ очевиден: объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и стремление их реализовать.

Таким образом, центральное понятие социологического реализма - общество и его производные: социальная структура, социальные системы, социальные общности, социальные институты, - являются важной, но серьезно ограничивающей возможность получения всестороннего социологического знания характеристикой. Эти данные могут в известной мере учитываться, но не могут ответить на злободневные проблемы современности. Они по сути дела являются сущностями второго и третьего по-

рядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка. На возникающие вопросы дает ответ другая методологическая стратегия.

Вторая методологическая стратегия (парадигма) - социологический номинализм, восходящая к М. Веберу, Дж. Хомансу, Дж. Миду, частично к Г. Зиммелю, к представителям русской социально-психологической школы конца XIX - начала XX века, обращается к человеку, **ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит процессам взаимодействия личностей, их интеграции и дифференциации**. Сторонники этой парадигмы (феноменологическая социология, понимающая социология, этнометодология) в центр анализа ставят человека, считая его основным источником информации. В теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), символическом интеракционизме (Дж. Г. Мид) и особенно в феноменологической социологии, на наш взгляд, абсолютизирована одна сторона жизни - ее субъективность. Это давало возможность оппонентам справедливо упрекать ее приверженцев в односторонней психологизации реальности, игнорировании объективных условий развития.

В течение XX в. многие социологи предпринимали попытки преодолеть противоречивость методологической базы названных концепций, преодолеть деление социологии на макро- и микроуровни, на объективно-предметный и субъективно-ценностный подходы. Во многих работах делаются попытки найти более приемлемую методологическую стратегию, которая бы в известной степени дистанцировалась от такого предельно широкого понятия как общество, и была в то же время связана с конкретными исследованиями. Такой поиск присущ многим представителям западной социологической мысли - З. Бауману, А. Турену, Н. Луману, Э. Гидденсу в попытках преодолеть крайности, соединить макро- и микроанализ, объективистский и субъективистский подходы [27].

Однако эти методологические стратегии никак не объясняют социальный факт: **как человек, люди "попадают" в социальные общности, социальные структуры, другие социальные образования**. Ведь явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться с социальным положением в обществе. Это положение заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и целенаправленных акций самого человека. То, что социальные системы, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит такой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда системы и общности "плывут", не имеют четкой определенности и не могут быть базой достоверной информации. В этой связи обращу внимание на позицию А. Турена, который подверг резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и возможностей развития общества. Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство: социальные системы и общности - очень "нехороший" объект для сравнительных кросс-культурных (международных) исследований. Они столь различны, что при сравнении сразу возникает вопрос достоверности получаемой и сравниваемой информации. И, наконец, не следует игнорировать и практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации - человеку, что предполагает анализ не компонентов неких систем, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, сами системщики, работая на эмпирическом уровне, так и поступают, обращаясь главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей. Отмечу также, что неудовлетворенность ранее сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретиков методологических проблем социологии (драматургическая социология, теория рационального выбора, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.).

Ответ на этот вопрос, возможно, в **третьей методологической стратегии - конструктивистской**, учитывающей взаимосвязи между макро- и микросоциологией;

между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями. Такой методологической стратегией является **концепция социологии жизни**, зачатки которой проявили себя еще в XIX веке, но не привлекли тогда внимания. К. Маркс, характеризуя общество, писал, что оно представляет собой "продукт взаимодействия людей" [28]. Обосновывая это положение, Маркс рассматривал не только саму деятельность, не только собственно взаимодействие, но и условия, в которых они протекают. Позднее французский социолог Жан Мари Гюйо (1854 - 1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии следует считать реальную жизнь. Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами. Эта точка зрения не получила тогда развития, хотя отдельные ее моменты нашли отражение в теории социального действия М. Вебера. В XX в. все больше социологов стали разделять эту направленность в комплексном анализе жизни людей. Именно анализ феномена: "человек в обществе" и "общество в человеке" - позволяет наиболее полно судить и о человеке, и об обществе [29]. Ориентация на человека и среду его действий усиливается. В современной социологии эта тенденция отражена в работах А. Турена, З. Баумана, Дж. Александера. Показательно, что известный политик и ученый З. Бжезинский убежден, что мы (человечество) все больше сталкиваемся с необходимостью "личностного измерения человеческой жизни" и в этой связи стоим перед "новой эрой в отношениях между людьми" (1999).

"Идеи и культуры не меняют ход истории - по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании - в системе ценностей и моральном обосновании - толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов" (Д. Белл, 1999). Еще большую определенность ориентации на человека как основной предмет исследований социологии придал Э. Гидденс, назвав ее *"ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ"* [30].

В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия обоснована Ж. Т. Тощенко. Ее в определенной степени разделяют Ю. Г. Волков, С. И. Григорьев, И. М. Попова и др. Своеобразный синтез общества и личности олицетворяет антропо-социетальный подход, обоснованный Н. И. Лапиным [31]. Выделяется поиск в этом направлении Ю. М. Резника [32]. Фактически с позиций общего и особенного, их органического развития строит исследования В. К. Левашов. Он соединил в концепции устойчивого развития глобальные и конкретные развития человеческого сообщества в их противоречивом, но в то же время личностном измерении [33]. При таком подходе существенны модусы времени - *настоящее*, представленное в ценности; *будущее*, выраженное в цели; *прошлое*, связанное с категорией "значение", что в целом образует всестороннее и емкое понятие **социальная реальность**. В ее основе находится **сознание и поведение** человека, его отношение и реакция на изменения статуса, своего места не просто как отдельного индивида, а как члена социальной группы, представителя определенного общества. Но этим не ограничивается данная концепция - она предполагает одновременный анализ объективных условий - **общественной среды** (макро-, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека. Все это образует концепцию **социологии жизни**, которая органически сочетает субъективные факторы и объективные условия, взаимоотношений общества и человека. Говоря словами Бергера, суть социологии - **"человек в обществе, общество для человека"**. К этому добавлю, что социология (и любая другая наука) призвана, прежде чем предлагать свои модели, сначала изучить фрагменты, части объективной реальности. В реальной жизни мы встречаемся не со структурами, а с сознанием и поведением людей, через которые выходим на анализ различных форм организации общественной жизни - институциональный, стратификационный, управленческий и др.

В рамках этой методологической стратегии отмечается сдвиг современной социологии "к субъективно-понимаемому". Шведский социолог П. Монсон в этой связи по-

ясняет: "Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично в объектах, в людях, которых он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой".

Вывод таков: конструктивистская стратегия, выраженная в концепции социологии жизни, преодолевает крайности противопоставления объективного и субъективного, общего и особенного, универсальности и уникальности, индивидуальности и надындивидуальности. Она оперирует понятиями социальной реальности, измеряемой посредством сознания, поведения и окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. *Г. М. Андреевой*. М., 1972; *Ядов В. А.* Социологические исследования: Методология, программа, гипотеза. М., 1972; Рабочая книга социолога / Под ред. *Г. В. Осипова*. М., 1977.
2. См.: *Кравченко А. М.* Социология. М., 2001; *Козлова О. Н.* Социология. М., 2004.
3. См.: Социология / Под ред. *Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева*. М., 2001.
4. Интересные идеи о соотношении теоретической и эмпирической социологии см.: *Руткевич М. Н.* Общество как система. Социологические очерки. М., 2001. С. 31 - 36. См. также: *Гурко Е. И.* Эмпирическое и теоретическое в социологическом исследовании. Минск. 1984; *Осипов Г. В.* Теория и практика социол. исследований в СССР. М., 1979; *Девятко И. Ф.* Социол. теории деятельности и практической рациональности. М., 2003; *Бабосов Е. М.* Прикладная социология. Мн., 2000.
5. См.: Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961; Человек и его работа. М., 1967; *Грушин Б. А.* Свободное время. Актуальные проблемы. М., 1967; *Заславская Т. Н.* Распределение по труду в колхозах. М., 1966; Рабочий класс и технический прогресс. М., 1967; *Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р.* Социальные перемещения. М., 1970; *Коган Л. Н.* Искусство и мы. М., 1970; *Арутюнян Ю. В.* Русские. Социологические очерки. М., 1987; *Аитов Н. А., Камаев Р. Б.* Новый промышленный центр и село. М" 1983; и др.
6. См.: Социальные проблемы труда и производства. М., 1970.
7. Подробнее см. первые монографические исследования, посвященные этой проблеме: *Фролов С. Ф.* Социальное планирование на промышленном предприятии. Горький. 1969; *Тощенко Ж. Т.* Социальное планирование. Красноярск. 1971; *Лузан П. П.* Планирование социального развития производственного коллектива. М., 1972; *Ельмеев В. Я.* Методологические основы планирования социального развития. М., 1974; Планирование социального развития / Под ред. *Д. А. Керимова*. М., 1976; *Латин Н. И., Коржева З. М., Наумова Н. Ф.* Теория и практика социального планирования. М., 1976.
8. Подробнее см.: *Осипов Г. В.* Социология и социализм. М., 1990; *Он же.* Социология и социальное мифотворчество. М., 2002.
9. См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
10. См.: *Волков Ю. Г., Нечипуренко В. Н., Попов А. В., Самыгин С. И.* Социология. Курс лекций. М. - Ростов-н/Д., 1999; *Попова И. М.* Социология. Киев, 2000.
11. См.: *Огуцов А. П.* Категории // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 229; *Тощенко Ж. Т.* О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед., 2002. N 9.
12. См.: *Романовский Н. В.* Историзация - закономерность развития социологической теории // Социол. исслед., 2008. N 10.
13. *Лосев А. Ф.* Категории // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 472.
14. См.: *Войшивилло Е. К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989.
15. См.: *Бочаров В. А., Маркин В. И.* Основы логики. М., 1994.
16. Подробнее см.: *Орловская Е.* Логические аспекты изучения понятий // Логические исследования. Вып. 1. М., 1993; *Тощенко Ж. Т.* О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед., 2002. N 9.
17. Подробнее о понятийном аппарате социологии см.: Тезаурус по социологии. Социологический словарь. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2009.
18. *Осипов Г. В.* Социология и социализм. М., 1990. С. 74.
19. *Кульгын В. П.* Классическая социология. М., 2000. С. 468 - 469.
20. *Кравченко С. А.* Социологическая теория: дискурс будущего // Социол. исслед., 2007. N 3. С. 9 - 11.
21. *Романовский Н. В.* Мультипарадигмальная социология - auf Wiedersehen? // Социол. исслед. 2005. N 12. С. 27.
22. *Волков Ю. Г.* Социология. М., 2006. С. 11 - 12.
23. *Попова И. М.* Социология. Введение в специальность. Киев; 1998. С. 129.
24. Одну из первых работ по этой проблеме см.: *Андреева Г. М.* О соотношении микро- и макросоциологии // Вопр. философии. 1970. N 7.
25. *Комаров М. С.* Макро- и микросоциология // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 361 - 362.

26. Руткевич М. Н. Общество как система. М., 2001; Общая социология / Под ред. Эфендиева А. Г. М., 2000.
27. См.: Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996; Гидденс Э. Социология. М., 1999; Турен А. Возвращение человека действующего.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402.
29. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
30. Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 23.
31. Латин Н. И. Общая социология. М., 2007. С. 19.
32. См.: Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира. Введение в социологию жизни. М., 1995.
33. Левашов В. К. Социополитическая динамика российского общества: (2000 - 2006). М., 2007.